

АТОМЫ ЖИЗНИ.

Ίδον. μηστήφιον ἡμῖν λέγω πάντες μὲν οὐ
κομηθῆσθαι, πάντες δὲ ἀλαζηθῆσθαι, ἐτ
έτ ουφ, ἐν ὅπῃ δρθαλμοῦ. I Кор. XV, 51—52.

Существуютъ вопросы, относящіеся къ глубочайшимъ загадкамъ человѣческой природы, къ которымъ до сихъ поръ приходилось, въ области религіи, прилагать лишь масштабы вѣры и священнаго ученія Церкви; и лишь въ настоящее время сюда какъ будто начинаютъ пробиваться какіе-то еще черезчуръ неясные зуки и со стороны науки.

Сталкивавшаяся съ этими вопросами, мало цикулярная отрасль богословскихъ наукъ—естественно-научная апологетика—еще и теперь занимаетъ главнымъ образомъ оборонительную позицію, стремясь посильнѣ защищить коренные истины религіи отъ натиска все болѣе и болѣе атеистического рационализма. Впрочемъ иногда она переходить и въ наступательную, и часто даже излишне горячую полемику, но тутъ уже, обыкновенно, или напрасно тратить свою энергию, болѣе смѣло, чѣмъ основательно, обрушившись на науку, или же ожесточенно сражается противъ того, что и такъ уже отживаетъ. Къ первому пріему апологетики относятся упреки наукъ въ пресловутомъ ея „банкротствѣ“, истинная оцѣнка котораго, впрочемъ, часто является для апологетовъ непосильной задачей, благодаря отсутствію у нихъ достаточной для этого естественно-научной подготовки. Во второмъ-же случаѣ дѣло исчерпывается почти исключительно долголѣтнимъ уже опроверженіемъ все одной и той-же „теоріи Дарвина“, еще и до сихъ поръ сильно волнующей простосердечныхъ защитниковъ вѣры, несмотря на то, что напр.

уже лѣтъ около 20-ти назадъ одинъ изъ виднейшихъ биологъ современности полагалъ, что „входить въ разсмотрѣніе претензій опровергнутой, такъ называемой Дарвиновой теоріи, было бы оскорблениемъ читателя“. Можетъ быть, впрочемъ, это звучитъ и нѣсколько смѣло, но во всякомъ случаѣ весьма характерно для современаго, все болѣе и болѣе укореняющагося научнаго взгляда на гипотезу Дарвина какъ лишь на болѣе или менѣе остроумную схему, черезчуръ далекую отъ абсолютной истинности¹⁾.

Только что указаннымъ направленіемъ дѣятельности естественно-научной апологетики, конечно, и объясняется чрезвычайная чахлость этой богословско-научной дисциплины, на которую, къ сожалѣнію, кромѣ того, обращается еще и очень мало вниманія въ русской духовной школѣ. А между тѣмъ въ далекое, золотое время христіанства, работою именно въ этой области не пренебрегали и великие учителя Церкви, вооруженные, по тому времени, всѣми доступными имъ естественно-научными свѣдѣніями, столь излюбленными среди богослововъ оригеновскаго направлениія. Стоитъ лишь вспомнить, кромѣ самого Оригена, хотя бы лишь двухъ братьевъ-каппадокійцевъ: св. Василія Великаго съ его Шестодневомъ и св. Григорія Нисскаго съ его удивительными идеями о воскресеніи плоти, не говоря уже о величинахъ менѣе крупныхъ, вродѣ Немезія, или св. Меводія Натарскаго.

Прочитывая внимательно то, что дошло до насъ отъ этихъ великихъ апологетовъ, чрезъ всю трудность пониманія для насъ, отдѣленныхъ отъ нихъ вѣками, подлиннаго текста ихъ твореній, трактующихъ о вопросахъ современного имъ естествознанія, нельзя не удивляться замѣчательной пристосованности ихъ къ самому методу тогдашней науки. Діалектическіе гenii Платона и Аристотеля предносятся воображенію естественно-научныхъ апологетовъ того времени и сообщаютъ имъ писаніямъ почти неопровергнуемую для умовъ той эпохи убѣдительность. Вѣдь не даромъ же Аристотелю было суждено и на протяженіи долгихъ, послѣдующихъ вѣковъ стать въ ряды христіанскихъ авторитетовъ, занять мѣсто въ ихъ сонмѣ даже на старыхъ церковныхъ фрескахъ.

¹⁾ H. Driesch. Biologie, 1893, S. 31. Цитирую по статьѣ Карпова: Витализмъ и задачи научной биологии въ вопросѣ о жизни („Вопр. фил. и нѣк.“ 1909, кн. III (98), стр. 350).

Громадное значение во многомъ не потерявшихъ интереса и для нашего времени, апологетическихъ творений эпохи расцвѣта богословской мысли обусловливается не чѣмъ инымъ, какъ именно примѣнениемъ ихъ авторами, въ спорахъ съ наукой, ея собственного метода, ея собственного, а следовательно и наиболѣе опасного для нея же самой оружія. Тогда этимъ оружиемъ былъ діалектическій методъ—теперь таковыиъ является могучій механизмъ такъ называемыхъ „рабочихъ гипотезъ“.

Современная наука признаетъ такія гипотезы не только вполнѣ законными и допустимыми при попыткахъ разъясненія наиболѣе темныхъ вопросовъ естествознанія, но даже относится снисходительно и къ ихъ, подчасъ, фантастичности, лишь бы наибольшее число фактовъ охватывалось ими и объяснялось съ наименѣшей затратой умственной энергіи; лишь бы мысль побуждалась къ дальнѣйшей, плодотворной работѣ. Всякая попытка въ такомъ родѣ, если даже она, впослѣдствіи, и не оправдается, все-таки, при условіи по возможности строгого логического ея построенія, можетъ оказать по крайней мѣрѣ ту услугу, что толкнетъ мысль на новый путь, откроетъ хотя-бы мгновенный, мимолетный просвѣтъ на новые, еще невѣдомые горизонты. Эта терпимость, это благосклонное отношение ко всякой серьезной и вдумчивой работе мысли являются драгоцѣнѣйшимъ идеальнымъ завоеваніемъ въ области научного и философскаго мышленія современности, и они-же сообщаютъ научной работѣ ту живость, ту одухотворенность, которая втягиваетъ въ область научныхъ интересовъ, самые широкіе и разнообразные круги общества.

Можно смѣло утверждать, что и въ области религіи,—но здесь уже, конечно, на незыбломъ фундаментѣ вѣры и Откровенія,—было-бы не менѣе цѣлесообразно попытаться стать на ту же почву, допустивъ и здѣсь возможность возникновенія тѣхъ или иныхъ, скромныхъ попытокъ сблизить масштабы разума съ интуиціями вѣры. Конечно, здѣсь уже критеріумомъ пригодности и допустимости гипотезъ должна быть строжайшая согласованность ихъ съ тѣмъ, что всякая религія, а въ частности религія христіанская, считаетъ своими извѣдчими истинами, своими незыблѣмыми догматами. Лиць такимъ путемъ возможно безпристрастное и спокойное сближеніе истинъ вѣры и науки; лишь широкое при-

мѣненіе въ религіозной апологетикѣ методовъ самой науки можетъ способствовать къ устраненію презрительного разнодушія со стороны атеистического знанія, да и самимъ вѣрующимъ внушить интересъ и уваженіе къ естественно-научной апологетической работѣ, остающейся до сихъ поръ въ тѣни, среди богословскихъ наукъ. Тогда только и можно будетъ надѣяться, что апологетические труды заинтересуютъ истинныхъ представителей науки, а въ богословской средѣ будутъ прочитываться со сколько нибудь серьезнымъ довѣріемъ.

Для этого не понадобится, кому-же, какой нибудь исключительной, естественно - научной подготовки апологетовъ, такъ какъ она можетъ имѣть общиій скорѣе философскій характеръ, безъ недоступнаго, здѣсь, изученія огромнаго числа деталей и подробностей. И именно современная наука, съ ея стремленіемъ къ философскимъ обобщеніямъ даетъ, въ этомъ направленіи, богатый матеріалъ, думается, даже болѣе доступный богословамъ, какъ людямъ лучшее подготовленнымъ къ воспріятію общихъ, натуръ - философскихъ построеній, чѣмъ большинство современныхъ специалистовъ-естествоиспытателей. Кромѣ того именно такъ естественно - научная апологетика могла бы вступить на новый, болѣе жизненный путь, отказавшись, наконецъ, отъ уже достаточно использованной позиціи рѣзкихъ обличеній и ненужныхъ опроверженій и занявшиись, вмѣсто этого, совмѣстно съ наукой, но лишь подходя съ иной стороны, изученіемъ самыхъ таинственныхъ и загадочныхъ явлений человѣческой природы. Надо-ли говорить еще и о томъ, что именно въ области вѣры и религіи встрѣчаются наиболѣе волнующія тайны—такъ отчего бы и не попробовать подойти къ нимъ, а быть можетъ и подвести къ нимъ науку, не только со стороны чуждаго ей, религіознаго созерцанія, но и спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія?

Съ такой точки зрѣнія миѣ и хотѣлось бы теперь, намѣтить, пока лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, тотъ путь, всецѣло подсказываемый современной наукой, которымъ можно было-бы пролить иѣкоторый свѣтъ на сущность одного изъ наиболѣе трудно усвояемыхъ вѣрованій христіанства, именно чаемаго воскресенія плоти въ „жизнь будущаго вѣка“. Именно на это наталкиваютъ, какъ я постараюсь показать,

Некоторые выводы новейшей науки о жизни, совершенно неожиданно и странно сближающиеся съ взглядами, высказывавшимися еще въ IV вѣкѣ однѣмъ изъ своеобразнейшихъ богослововъ - мыслителей того времени - уже упоминавшимися мною, св. Григоріемъ Нисскимъ.

Такое сближеніе интересно уже по одному тому, что дасть возможность, опираясь на авторитетъ святого учителя Церкви, попытаться создать нѣкую, такъ сказать „богословскую“ гипотезу, относящуюся, конечно, отнюдь не къ существу твердо установленного религіознаго догмата, а лишь къ его болѣе или менѣе вѣроятному и удобопонятному освѣщенію со стороны его теоретической схемы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если-бы удалось установить хотя-бы лишь приблизительную справедливость космическаго акта, явно проецирующаго черезъ мистическія одежды религіознаго догмата о воскресеніи плоти, то это могло-бы открыть увлекательную перспективу стройнаго развитія цѣлой системы, уясняющей многое изъ самыхъ неясныхъ сторонъ жизни человѣческаго тѣла и духа. Но, въ предѣлахъ настоящей статьи я могу конечно указать на это лишь вскользь, сосредоточивъ все вниманіе главнымъ образомъ на обоснованії приемлемости возникающей гипотезы, навѣянной идеями св. Григорія, проѣвшаго своимъ духовнымъ окомъ, почти за два тысяче лѣтія, то, что только теперь начинаетъ брезжитъ въ современномъ научномъ сознаніи.

I.

Вѣрованіе въ таинственное преображеніе, воскресеніе плоти для новой, болѣе совершенной жизни, въ переходѣ отъ „атлѣнія“ къ „нетлѣнію“, присуще всѣмъ религіямъ Востока, включая сюда и еще не совсѣмъ ясныя эсхатологическія чаянія ветхозавѣтныхъ евреевъ, переходящія, затѣмъ, у христіанъ, уже во вполне определенный догматъ. Это вѣрованіе, совершенно чуждое Западу и, въ свое время, глубоко его удивлявшее, вноситъ въ умственный обиходъ человѣчества позднѣйшихъ, христіанскихъ эпохъ нечто новое, въ чемъ уже очень рано начинаетъ чувствоватьться какая-то связь, съ самимъ ядромъ жизни.

Въ посланіяхъ ап. Павла ²⁾, мистический актъ воскресенія илоти обрисовывается со всею доступною, здѣсь, опредѣленностью, а замѣчательное мѣсто изъ первого посланія къ Коринѳянамъ, взятое мною эпиграфомъ настоящей статьи, содержитъ даже и прямое указаніе на то, гдѣ слѣдуетъ искать ключъ къ таинственному догмату. Въ самомъ дѣлѣ: не съ болѣшимъ ли правомъ слова „*ἐν ἀτόμῳ*“, можно перевести въ смыслъ термина, хорошо известнаго, еще со временемъ Демокрита и Эпикура, чѣмъ透过 „вскорѣ“, или „вдругъ“, являющіеся, по самому смыслу, излишними, при дальнѣйшемъ поясненіи: „въ мгновеніе ока“? Невольно приходитъ мысль о томъ, что многозначительное „*ἐν ἀτόμῳ*“ поставлено не напрасно, по вводить часть въ глубины самаго субстрата всего сущаго, въ глубинѣ той матеріи (*ὕλη*), безъ которой люди тогдашняго вѣка не могли представить, міра, да едва-ли, несмотря на всѣ наши ухищренія, представляемъ его себѣ и мы.

У писателей позднѣйшаго, апологетическаго періода христианства тоже встрѣчаются болѣе или менѣе ясно выраженные намеки на измѣненіе самыхъ глубинъ матеріи при грядущемъ, всеобщемъ воскресеніи. Такъ уже въ трактатѣ Аениагора „О воскресеніи мертвыхъ“ мы находимъ мысль о томъ, что по разрушеніи тѣла, ихъ совершенно неуловимыя для людей (*παρ' ἀγθρώποις αδιάκριτοι*) частицы соединяются со сродными имъ „стихіями“ вселенной ³⁾), а затѣмъ онѣ, нѣкогда, стекутся „дабы занять прежнее мѣсто, составить то-же тѣло и дать новую жизнь тому, что умерло и совершенно разложилось“ (*πάγτη διαλυθέτος*) ⁴⁾.

При объясненіи предполагаемаго имъ факта, Аениагоръ, однако, еще не идетъ дальше простого утвержденія, что все это произойдетъ актомъ премудрости и силы Того, Кто снабдилъ всякое живое существо свойственными ему силами. Но зато, далѣе высказывается новая, глубокая мысль о томъ, что истинный человѣкъ, какъ состояній изъ тѣла и души, не можетъ существовать иначе какъ во плоти или

²⁾ Рим. гл. VIII; 1 Кор. гл. XV; 1 Фесс. гл. IV и пр.

³⁾ См. Преображенскій, Сочиненія древнихъ христіанск. апологетовъ, 1867, стр. 126 (*Migne, Patr. gr.*, t. 6, col. 977—980).

⁴⁾ Преобр., стр. 135: *Migne, col. 989* В: τὴν αὐτὴν ἰσχὺν γέφει τὸν τοῦ αὐτοῦ περιεργὸν ἐρμογίαν τε γὰρ σῆτεσσιν.

грубо-чувственной въ этой жизни, или въ преображенной и измѣнной—въ жизни будущаго вѣка (гл. 15—25). „Человѣкъ не есть уже человѣкъ, когда тѣло разрушилось или совершенно уничтожилось, хотя бы душа и продолжала существовать сама по себѣ“—заключаетъ Аениагоръ⁶⁾). Такимъ образомъ устанавливается своеобразная, неотдѣлимая отъ человѣческаго существа материальность, лишь измѣняющая форму своего бытія при переходѣ отъ „тлѣнія“ къ „нетлѣнію“.

Оригенъ, со своимъ страннымъ ученіемъ объ *одинаковости* воѣставшихъ тѣлъ между собою,⁶⁾ сталъ въ противорѣчіе съ общепринятыми взглядами Церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ впервые высказалъ идею о сохраненіи каждымъ человѣкомъ, и по воскресеніи, присущаго ему индивидуального *типа* (*schemata*)⁷⁾, облекающагося въ болѣе совершенную форму преображенаго воскресеніемъ (по Оригену—духовнаго) тѣла. Кромѣ того Оригену-же принадлежитъ и мысль о существованіи особаго жизненнаго начала (*ratio*) какъ-бы сдерживающаго субстанцію тѣла въ присущей ему формѣ⁸⁾). Это начало, сохраняющееся послѣ смерти и разложения, и вновь возводящее плоть при ея воскресеніи, очень напоминаетъ, въ общемъ, *λόγος σπερματικός* стонковъ, а у послѣдующихъ христіанскихъ мыслителей переходить уже во вполнѣ определенное понятіе о нематеріальномъ жизненномъ „качествѣ“ (*qualitas, λούτης*), съ которымъ мы еще не разъ встрѣтился впослѣдствіи.

Св. Меѳодій Патарскій, опровергая взгляды Оригена и отстаивая ученіе о *непремѣнномъ* возстаніи въ тѣлѣ „сопровѣренномъ“ прежде кожаныхъ одеждъ“ наилѣй настоящей, грѣховной плоти, присоединяетъ сюда еще мнѣніе, что смертію

⁵⁾ *Преобр.*, стр. 161.; *Migne*, col. 1021 В: *μηδὲ συνεστάναι τὸν τοιοῦτον ἄθρωπον, διαλεθέρτος η̄ καὶ πλέον ἀχειραθέρτος τοῦ σώματος, καὶ νὴ τούτη διαμένους καθ' ἑατήν.*

⁶⁾ См. *Оригенъ О началахъ*, кн. III, гл. 6, §§ 4 и 7 (Творенія Оригена, изд. Каз. Дух. Ак., 1899).

⁷⁾ „О началахъ“, кн. II, гл. X, § 2 (*Migne*, Patr. gr. t. 11, col. 231).

⁸⁾ „О нач.“ *Ibid.*, § 3.; *Migne*, col. 236... ratio ea quae substantiam continet corporalem, quamvis emortua fuerint corpora et corrupta et que dispersa, verbo tamen Dei ratio illa ipsa quae semper in substantia corporis est, erigat ea de terra, et restituat ac reparat.

долженъ быть прежде всего умерщвленъ грѣхъ, „дабы та-
кимъ образомъ, по истребленіи грѣха, возставъ чистымъ,
послѣ смерти, человѣкъ вкушалъ жизнь“ ⁹⁾.

Лишь въ концѣ IV вѣка, въ эпоху начала величайшаго
расцвѣта христіанской мысли, въ сочиненіяхъ отчасти Немезія, а главнымъ образомъ—св. Григорія Нисскаго, мы
встрѣчаемъ первыя попытки поставить таинственный во-
просъ о воскресеніи плоти на почву доступнаго, здѣсь, реа-
лизма. Воспитанные на тонкой діалектицѣ Аристотеля, близ-
кіе по мысли къ стойкамъ и къ мистическому реализму
неоплатониковъ, хорошо, по тому времени, научно-образо-
ванные, христіанскіе писатели той эпохи, поощряемые, вдо-
бакъ, необходимостью примѣненія болѣе радикальныхъ
пріемовъ апологетики, старались подвести подъ наиболѣе
трудный для языческаго пониманія вопросъ о воскресеніи
плоти прочий не только мистической, но и научный фун-
даментъ.

Уже въ несовсѣмъ ясномъ мѣстѣ II главы сочиненія Немезія „О природѣ человѣка“ есть указаніе на то, что при
разрушениіи тѣла „качества“ его (*ποιότητες*) не погибаютъ, а
измѣняются, т. е. что-то остается, хотя и въ необычномъ;
иnomъ видѣ ¹⁰⁾). Даѣще Немезій уже высказывается болѣе
определено,—хотя и косвенно,—ссылаясь на мнѣніе извѣ-
стнаго платонника—Ксеноократа, полагавшаго, не безъ оттѣнка
пиѳагореизма, что „душа различаетъ вещи между собою
тѣмъ, что налагаетъ на каждую изъ нихъ *форму* и *отпечатокъ*
(*μορφὴ καὶ τύλος*), отличаетъ одинъ видъ отъ другого
и обнаруживаетъ ихъ различіе какъ происходствомъ формъ,
такъ и величиной числа“ (числовыхъ отношеній въ пиѳа-
горейскомъ смыслѣ) ¹¹⁾.

⁹⁾ См. „О воскресеніи“, гл. XIX (Полн. собр. твореній св. Мародія, перев. проф Е. Ловягина, 1905, стр. 216—217).

¹⁰⁾ См. Немезій, еп. Елецкій, О природѣ человѣка, перев. Владимира-
скаго, 1905, гл. II, стр. 46; Migne, Patr. gr. t 40, col. 549 A: *Αἱ ποιότητες...
ἴν τε τῷ φθορῇ καὶ τῷ γενέσι συγχέονται τῷ σώματι.* Казалось-бы, что
это можно истолковать въ томъ смыслѣ, что *тѣло* какъ-бы запечатлѣ-
ваетъ въ „качествахъ“ нѣкое характерное измѣненіе, какъ-бы отмѣчаетъ
ихъ къ нему принадлежность.

¹¹⁾ „О прир. чел.“, гл. II, стр. 57; Migne, col. 569A: *ιῆ ἐγεότητι τῶν οὐδῶν
καὶ τῷ πλήθει τοῦ ἀριθμοῦ.* Уже въ этомъ ясно чувствується стремленіе

Наконецъ св. Григорій Нисский, современникъ Немезія, и отчасти сходный съ нимъ по сущности своихъ научныхъ взглядовъ, выступаетъ уже совершенно определенно со своей гипотезой о настолько тѣсной связи души и тѣла, что они взаимно какъ-бы налагаютъ другъ на друга знаки, подобные печати и ея оттиску (*σφραγίς*), не исчезающіе ни при какихъ перемѣнахъ тѣла. Даже смерть, разлучая его съ душою, не нарушаетъ таинственной связи между ею и элементами плоти, хотя бы и совершенно разложенной тлѣніемъ, „такъ какъ“, говорить св. Григорій, „чувственное разлагается, но не уничтожается: ибо уничтожение есть превращеніе въ ничто, а разложение есть разрѣшеніе (*διάλυσις*) опять на тѣ стихіи, изъ которыхъ вещь составилась“¹²⁾. И такъ-же какъ къ данному, индивидуально-единственному во всей вселенной оттиску совершенно точно подойдетъ лишь *одна*, и и только одна, оттиснувшая его печать, такъ и въ день всеобщаго воскресенія необходимо сойдется „первоначицы“ умершихъ и разрушеныхъ тѣлъ, разсѣянныя воюду, но отмѣченныя неизгладимымъ знакомъ души.

Эта мысль занимаетъ центральное мѣсто въ учени св. Григорія Нисского о воскресеніи плоти. Прослѣдимъ, теперь хотя бы въ общихъ чертахъ генезисъ этой мысли и ея преемственную зависимость отъ другихъ взглядовъ св. Григорія на сущность человѣческой природы¹³⁾.

Психическою сущностью человѣка св. Григорій считаетъ мыслящее начало души (*τὸ λογικὸν τῆς φυχῆς*), или умъ (*νοῦς*), т. е. нѣчто вполнѣ нематеріальное и *непротяженнное* (*μὴ τὴν εἰς τοῖα διάστασιν*), по лишь умопостигаемое (*νοητόν*)¹⁴⁾. Такимъ

связать, взаимно, душу и тѣло, какъ носителя извѣстнаго, присущаго ему типа (*εἶδος*).

¹²⁾ См Творенія св. Григорія Нисского, изд. Моск. Дух. Акад. 1862: т. 4, стр. 30 (Большое огласительное слово, гл. 8) *Migne* т. 45, col. 33 D. *Λέγεται δὲ τὸ αἰσθητὸν, οὐκ ἀφανίζεται. Ἀφανίσθετος μὲν γάρ ἔστιν, ἡ εἰς τὸ μὴ δύναται φρηγησις λέσις δὲ ἐπὶ τὰ εἰς τοῦ κόσμου στοιχεῖα πάλιν, ἀφ' ὧν τὴν σύστασιν ἔσχεν, διάλυσις.*

¹³⁾ Общіе антропологическіе взгляды св. Григорія Нисского обстоятельно изложены въ книгѣ *Мартынова*: „Ученіе св. Григорія, еп. Нисского о природѣ человѣка“, а также у *Hilt, Des hl. Gregor v. Nyssa Lehre v. Menschen*.

¹⁴⁾ Твор., т. 4, стр. 223 (Діалогъ „О душѣ и воскресеніи“): *Migne*, т. 46, col. 40C.

образомъ душа есть чистая, безтѣлесная субстанція, проявляющаяся, прежде всего, въ свойственной живому тѣлу чувствительности (*αἴσθησις*)¹⁵⁾, которая и является показателемъ наличности единенія души и тѣла, безъ чего нѣть физического бытія ни въ нашей земной жизни, ни до воскресенія.

Объектомъ воздействиія души, возбуждающей въ немъ чувствительность, служить тѣло, глубочайшою основой которого тоже является нѣкоторая сверхчувственная субстанція, состоящая изъ первичныхъ элементовъ, созданныхъ въ началѣ міротворенія и представляющихъ себою вполнѣ реальная, но безтѣлесная и лишь умопостигаемая (*ρογταῖ*) сущности. Лишь извѣстная ихъ взаимная комбинація (*συγδρομή*) образуетъ тѣло и сообщаетъ ему чувственно воспринимаемый, материальный видъ¹⁶⁾.

Такое возврѣніе на переходъ отъ сверхчувственного къ чувственному очень сходно съ неоплатоническимъ¹⁷⁾, но для насъ оно является особенно интереснымъ потому, что именно въ первичныхъ элементахъ (*ποιότητες*) св. Григорія легко усмотрѣть очень близкое сходство съ жизненными первоэлементами современаго, возрожденіаго витализма. Неоплатоникамъ-же слѣдуетъ св. Григорій и тогда, когда объясняетъ взаимодѣйствіе души и тѣла, т. е. двухъ, въ коренной сутиности своей, лишь умопостигаемыхъ субстанцій по аналогіи музыканта (души) и лиры (тѣло), полагая, что душа, будучи совершенно самостоятельной и субъективной, лишь *пользуется* тѣломъ для своего выявленія во видѣній, чувственный міръ, тогда какъ съ міромъ духовныхъ, къ

¹⁵⁾ Твор. т. 4, стр. 214; *Migne* t. 46, col 29 В: Φυχὴ ἐστιν... αὐσία ζῶσα, τοεφά, σόματι δρυαγικῷ καὶ αἰσθητικῷ δύναμιν ζωτικὴν καὶ τὸν αἰσθητῶν ἀντιληπτικὴν δὲ ἔαυτῆς ἐγιέσα.

¹⁶⁾ Твор., т. 4, стр. 296; *Migne*, col. 124, С: ἡδέπερδες ἀλληλα συνδρομή τούτῳ τῷ καὶ ἔνωσις σώμα γίνεται. Ср. *ibid.*, т. 44, col. 77 Д.

¹⁷⁾ Но, подобно неоплатонизму, св. Григорій не даетъ и отвѣта на то: какимъ образомъ скождевіе во едино сверхчувственныхъ „качествъ“ создаетъ чувственное тѣло. „Это“, говорить онъ, „уже вѣдъ подлежащаго исслѣдованія“ (Твор., т. 4, стр. 296). Ср. Владиславлевъ, Философія Члотина, основателя новоплатоновской школы, 1868, стр. 131 и 158. Но вѣдь и современная наука, стремясь все „создать“ изъ „не материальнаго“ элек-тричества, тоже не даетъ объясненій какъ это можетъ быть.

которому она принадлежит по самой природѣ своей, она можетъ сноситься непосредствено, путемъ для насъ непостижимымъ.

Связь разумной души съ тѣломъ, т. е. съ его первичными элементами, не осуществляется, однако, какимъ-либо вѣшнимъ актомъ, но дѣйствующая душа какъ-бы пронизываетъ тѣло, срастворяясь съ его первоэлементами и входя съ ними въ тѣсное единеніе (*αγάχρασις*)¹⁸). При этомъ-то происходитъ процессъ взаимнаго запечатлѣнія единымъ и вѣчнымъ *типою* (*είδος*)¹⁹). Самый-же тинъ залагается въ человѣка въ моментъ общаго и *единовременнаго* происхожденія стекающихся для образованія тѣла первоэлементовъ и соединяющейся съ ними дули²⁰.

Такимъ образомъ св. Григорій вполнѣ логично подходитъ къ уже указанной выше, своей идеѣ, реально обосновывающей воскресеніе плоти путемъ вторичнаго, посмертнаго стечения (*συγθροιή*) и воссоединенія (*αγάχρασις*) взаимно запечатлѣнныхъ душъ и первичныхъ элементовъ (*ποιότητες*) тѣла. А уже однимъ тѣмъ, что душа не имѣетъ протяженія, сразу разрѣшается, кстати, и очень занимавшій, когда-то апологетовъ вопросъ о томъ: какимъ образомъ соединяется, при возстаніи плоти, разсѣянная по всему миру (*εἰ τοῖς τοῦ κόσμου στοιχείοις*), запечатлѣнная ея индивидуальностью частицы. Очевидно, что для вѣнѣпространственнаго начала вопросъ о

¹⁸) Слово *η κρᾶσις* (смѣсь, смѣщеніе), какъ известно, употреблялось первохристіанскими богословами въ смыслѣ механической смѣси. ближе, всего напоминающей растворъ. При этомъ срасторванныя вещества полагаются не теряющими, каждый, своихъ индивидуальныхъ свойствъ. Чаще всего это пояснялось каплей вина, упавшей въ море, или архайическимъ примѣромъ „огня, пронизывающаго раскаленное желеzo“.

¹⁹) Твор., т. I, стр. 189: «Объ устройствѣ человѣка, гл. 27»: *Migne*, т. 44, col. 225 D: «Ἐοτὴκε δὲ διὰ πάσης τροπῆς ἀμετάβλητον ἐφ' ἑαυτοῦ τὸ εἶδος, τῶν ἄλλας ἐπιβληθέντων αὐτῷ παρὰ τῆς φύσεως σῆμείων οὐκ ἔξιστάμενον ἀλλὰ πάσας ταῖς κατὰ τὸ σῶμα τροπαῖς μετὰ τῶν ιδίων ἐμφαινόμενον γνοριζατων». Обыкновенно, впрочемъ, слово *τὸ εἶδος* переводится черезъ русскіе сл. *видъ, форма*. Но по самому смыслу ученія св. Григорія, правильнѣе придать этому слову болѣе общее значеніе *типа*, какъ характеризующее не только поверхностное отличіе, но и весь индивидуальный образъ каждого даннаго существа.

²⁰) Твор., т. I, стр. 297: *Migne*, т. 46, col. 125 C: *Λείπεται δέν μίαν καὶ τὴν αὐτὴν ψυχὴν τε καὶ σώματος ἀρχὴν τῆς συστάσεως οὐεσται*

разстояніяхъ является просто наивнымъ, ибо душа можетъ одинаково оживлять единой жизнью какъ частицы мельчайшей молекулы, такъ и элементы, раздѣленные между собой астрономическими разстояніями²¹⁾.

Болѣе того: св. Григорій Нисскій даже полагаетъ, что душа „съ какими стихіями она соединена первоначально, въ тѣхъ пребываетъ и по разлученіи съ ними (*μετὰ τὴν παραμέτειν*), какъ-бы поставленная стражемъ своей собственности, и по тонкости и удобоподвижности духовной силы (*τοερὰ δύταμις*), не оставляетъ своего, при раствореніи (*ἀπάχρασις*) его въ однородномъ (*όμόφυλον*), не подвергается никакой ошибкѣ при раздробленіи его на мелкія части стихій (*ἐν τῷ λειτουργίᾳ τῶν στοιχείων*), но проникаетъ свою собственность (*τὰ ἴδια*), смѣщанную съ однороднимъ, и не ослабѣваетъ въ силахъ пребывая съ нею, разливающеся во вселенной (*πρὸς τὸ πᾶν*), по всегда остается (*μέτει*) въ ея частицахъ, гдѣ-бы и какъ-бы не устроила ихъ *природа*“²²⁾. Конечно это едва-ли можно понимать въ буквальномъ смыслѣ, но вѣриѣ—въ смыслъ *знанія* душою всѣхъ отдѣленныхъ отъ нея смертною первоэлементовъ тѣла, о чёмъ говоритъ, нѣсколько ниже и самъ св. апологетъ²³⁾. Знаніе же это обусловливается, по мысли св. Григорія именно наложеніемъ на первоэлементы тѣла и души взаимныхъ знаковъ, подобныхъ печати и оттиску. „Въ душѣ, говоритъ св. Григорій, хранится какая-то связь съ сожителемъ-тѣломъ, знакомство съ нимъ *всльдствіе растворенія* (*διὰ τῆς συγκαταράσσεως*) со свойственнымъ, какъ-бы отъ какихъ-то положенныхъ природою знаковъ (*σημεῖων τινῶν*), по которымъ остается въ душѣ неслитное общеніе“

²¹⁾ Ср Твор., т. 4, стр. 230: „Естество же духовное и непротяжное не терпитъ послѣдствій разстоянія“. Это особенно справедливо теперь, когда современными возвращеніями на сущности матеріи заполняется пропастъ между молекулой и вар., туманностью Млечеваго Пути съ поперечникомъ, въ 15000 световыхъ лѣтъ. См. *Фурье Дальбъ*, Два новыхъ міра, 1911, ч. II.

²²⁾ Твор., т. 4, стр. 255 (О душѣ и воскресеніи); *Migne*, t. 46, col. 76—77.

²³⁾ Твор., т. 4, стр. 262: „Если душа присутствуетъ въ стихіяхъ составлявшихъ тѣло (*ἐν τοῦ σώμασις στοιχείοις*) и перемѣшавшихся во вселенной, то не только будетъ она знать совокупность (*πλήρωμα*) стихій, какія были соединены въ тѣлѣ, но не останется въ неизвестности и особенного состава каждой части (*τῷ ἴδιῶσιν ἐξάποτον τῷ μερῷ σύστασιν*). именно-же изъ какихъ стихійныхъ частицъ (*τῷ ἐν τοῖς στοιχείοις μορίῳ*) состояли наши члены“. *Migne*, t. 46, col. 85A.

(ἀσύγχυτος; κοινότης), отличающее свою собственность²⁴⁾. Другими словами, такъ какъ индивидуальный *типъ* (*εἶδος*) человѣка, подобно оттиску печати (*σφραγίς*) остается въ душѣ, то она знаетъ его, и при возстановленія плоти (*ἐν τῷ καιρῷ τῆς ἀναστοῖχειώσεως*) вновь его осуществить²⁵⁾). Считая-же, что таинственный процессъ „наложенія знаковъ“ (сфрагидація) происходитъ какъ слѣдствіе взаимнаго срастворенія души и тѣла, св. Григорій не пытается проникнуть въ тайну его реального осуществленія, относя его къ „нѣкоему неизъяснимому влечению природы“ и къ тайной (*κατὰ τὸ λεληθός*) связи души и тѣла. Да, въ сущности, для его гипотезы столь недоступныя изслѣдованію подробности и не представляются необходимыми — важенъ лишь реальный фактъ ихъ осуществленія.

Съ естественно-научной точки зрењія, можно лишь предположить, что ареной таинственной „сфрагидаціи“, конечно, могутъ быть физико-химические элементы тѣла, но нѣчто болѣе глубокое и неизмѣняемое, лежащее въ границахъ физического бытія той космической дѣйствительности, которая доступна нашему наблюденію и опыту. Но это не исключаетъ возможности попытки заглянуть въ эти таинственные глубины при хотя бы лишь гипотетическомъ свѣтѣ тѣхъ идей, что могутъ потокомъ влияться въ сознаніе современного человѣка изъ, по своему, не менѣе таинственныхъ бездинъ болѣе доступной намъ, неорганизованной матеріи.

II.

Гаданія о сущности матеріи уже давно служатъ осью, около которой врачаются физико химическая теорія новѣйшаго времени, получившія, въ послѣдней стадіи своего развитія, неожиданный и гигантскій толчекъ открытиями различныхъ таинственныхъ радіацій и невидимыхъ лучей. Въ результатахъ этого явились необходимость подвергнуть критическому пересмотру, казалось-бы, самые прочные законы ф

²⁴⁾ Твор., т. I, стр. 188 (Объ устр. чл., гл. 27); *Migne*, т. 41, col. 225B.

²⁵⁾ Твор., т. I, стр. 190; *Migne*, т. 44, col. 228B: ἀναγκαῖος τοῦ εἶδος οὗτος ἐκμαγίρει σφραγίδας τῷ ψυχῇ παραμείνατος, οὐδὲ τὰ ἐναπομαξάμενα τῷ σφραγίδι τὸν τύπον ὅπερ ἀντῆσε ἀγνοεῖται, ἀλλ' ἐν τῷ καιρῷ τῆς ἀναστοῖχειώσεως ἐκεῖνα δέχεται παλιν πρὸς ἑαυτὴν, ἥπερ ἀν ἐναρμόδη τῷ τύπῳ τοῦ εἶδον.

вѣчности матеріи и энергіи; вновь всплыли мечты объ единстве вещества и о давно забытыхъ, алхимическихъ надеждахъ на произвольныя его превращенія. Создались и новые взгляды на сущность матеріи, которую попытались замѣтить энергией и движениемъ. Но несмотря на все это, по прежнему настойчиво удерживается человѣческимъ умомъ идея о первоэлементахъ матеріи, будь то неуловимая материальная частица, нематериальное вихревое кольцо энира; или даже пустота въ этомъ гипотетическомъ материальномъ субстратѣ всего сущаго.

Уже осталась далеко позади еще столь недавно общепризнанная „недѣлимость“ атома, волею судебъ распавшагося на электроны, но зато возникла новая идея, стремящаяся удовлетворить непобѣдимому запросу ума о грааницахъ дѣлимости мыслимой липь въ безпредѣльности. Идея эта есть предположеніе, о томъ что крайняя и „недѣлимая“ первочастица должна быть таковой уже не въ геометрическомъ и абстрактномъ, но реальному и индивидуальному смыслѣ, подобно тому какъ недѣлимъ всякий индивидуумъ: человѣкъ, земной шаръ, солнечная система²⁶⁾. Болѣе того: все настойчивѣе и настойчивѣе пробивается еще и мысль: не только объ индивидуальности перво partiцѣ, но и объ единственности, неповторяемости каждой изъ нихъ, какъ своеобразного *типа* во всей вселенной и во всей вѣчности. Единственъ каждый человѣкъ, какъ единственна въ своемъ родѣ каждая сибирянка, и также, вѣроятно, единственна и каждая „первочастица“, чѣмъ-бы она ни была²⁷⁾.

Поскольку органическая природа состоять изъ тѣхъ или иныхъ сочетаній химическихъ элементовъ, постольку и есть „перво partiцамъ“ относится все то, что характеризуется понятіями объ индивидуальности и неповторяемости. Но оказывается, что этого еще совершенно недостаточно даже для приблизительного объясненія явлений жизни и сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, оставаясь лишь на чисто-химической почвѣ тѣхъ процессовъ, которые обнаруживаются между partiцами веществъ, входящихъ въ составъ живого тѣла.

²⁶⁾ См. Менделѣевъ, Основы химіи, изд. 7-е, стр. 157 и Гернетъ, Общество вѣчности вещества, стр. 28—29.

²⁷⁾ Карповъ,loc. c., Вопр. фил. и псих., 1909, кн. IV (99), стр. 536—539.

можно обнаружить чрезвычайно странные изменения, въ самой сущности химическихъ реакцій, какъ только онѣ, при одинаковыхъ виѣшнихъ условіяхъ, возникаютъ въ живомъ организмѣ, въ присутствіи *уже* живого вещества. Такъ, напр., бѣлокъ, являющійся главной частью химического состава протоплазмы—этого общаго носителя жизни отъ амебы до мозговой массы человѣка—вступая въ организмъ, приобрѣтаетъ настолько иныхъ свойства, что понадобилась даже, въ свое время, особая гипотеза о какихъ-то двухъ видахъ бѣлокъ: мертвомъ и живомъ, чѣмъ, конечно, ничто не объясняется, а лишь болѣе или менѣе удачно укладывается въ рамки привычныхъ химическихъ понятій.

Дѣйствительно, бѣлокъ, обладая, виѣ организма, довольно значительной химической стойкостью, въ организме тотчасъ же приобрѣтаетъ крайнюю, необычайную неустойчивость. Найдороть иѣкоторыя органическія вещества (напр. лецитинъ) чрезвычайно легко распадающіяся виѣ организма, въ его нѣдрахъ получаютъ непоколебимую стойкость по отношенію къ самимъ энергичнымъ разрушителемъ—ферментамъ и кислороду²⁸⁾. Если присоединить сюда еще совершенно необъяснимую, материалистически, не только высшую психическую дѣятельность, но даже простую раздражимость живого вещества, то совершенно понятнымъ является стремленіе какъ старого, такъ новаго, возрожденного витализма отыскать ту первооснову, которая, въ области жизни, служитъ причиной всѣхъ специфически жизненныхъ отправлений, подобно тому, какъ такъ называемый міровой эаиръ является носителемъ явленій міра неорганизованной матеріи.

Такимъ образомъ въ біологии возникаетъ идея о иѣкой направляющей²⁹⁾ и сохраняющей силѣ, наличность которой бываетъ въ глаза и служить единственной причиной того, что

²⁸⁾ См. А. Данилевскій, Живое вещество („Вѣста. Евр.“ 1896, маѣ, стр. 319—320).

²⁹⁾ Даже изъ среды механиковъ исходили попытки провести параллель между направляющей дѣятельностью души и силами, лишь иѣняющими направление движенія, безъ влияния на его склонность и работу (См. Челюновъ, Внеденіе въ философію, 1907, стр. 178—179; Ср. его-же „Мозгъ и душа“ 1906, стр. 335).

слабая и неустойчивая протоплазма не только не разлагается могучими натисками вышеприведенныхъ разрушителей, но напротивъ того, жизнь, имѣя свойство направлять подчиненные ей физико-химические процессы въ нужную ей сторону, способствуетъ прогрессу организма какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, неустанно ведя его отъ простой раздражимости клѣточкѣ до высочайшихъ вершинъ человѣческаго генія.

III.

Уже Аристотель, размыслия надъ сущностью матеріи, считалъ ее чистой потенціей, съ внѣдреннымъ въ нее видообразующимъ или формообразующемъ циращимъ—энтелехіей, а въ области жизненныхъ явлений считалъ энтелехіей душу, какъ принципъ, осуществляющій и выявляющій заложенныя въ тѣлѣ возможности (*δυνάμεις*). У Лейбница къ понятію энтелехіи, въ организованной природѣ, всего ближе подходитъ центральная, „управляющая“ монада, въ ряду высшихъ монадъ живого тѣла³⁰⁾). Старый витализмъ выдвигаетъ въ этой роли свою „жизненную силу“ и, наконецъ, возрожденный витализмъ новѣйшаго времени уже совершенно опредѣленно ищетъ вполнѣ реальныхъ носителей „управляющей“ и формирующей силы организмовъ. Такимъ образомъ въ обиходѣ современной научной мысли появляются довольно многочисленныя жизненные первоединицы, начиная отъ довольно туманной „энтелехіи“ Дриша и до матеріальноїнейшей „психоплазмы“ Геккеля, не обходящейся, впрочемъ, въ концѣ концовъ, безъ какой то еще придуманной симъ патріархомъ матеріализма, „клѣточной души“. Между этими полюсами укладываются всевозможныя „доминанты“ Рейнке, „біогены“ Ферворна, „біофоры“ Вейсмана, „пантгены“ де Фриса, „біобласти“ Гертвига, „никнатомы“ Фохта, и пр.³¹⁾.

Уже самая многочисленность и многоимѣніость всѣхъ

³⁰⁾ См. *Бумо-Фишеръ*, Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и учение, пер. Потапова, 1905, стр. 451—453.

³¹⁾ Краткій, обзоръ почти всѣхъ современныхъ теорій жизни можно найти въ книгѣ Эд. ф. Гартмана: Das Problem des Lebens, 1906.

этихъ первоэлементовъ жизни наглядно показываетъ, что человѣческая мысль упорно вращается здѣсь все около той-же идеи, что мерцала, еще за тысячелѣтія, въ умахъ младенческой эпохи естествознанія, и вращается тѣмъ упорнѣе, чѣмъ больше вооружается современная біологія всѣми орудіями научной техники. Идея о существованіи нѣкіхъ первоосновъ жизни, глубоко залегающихъ въ самыхъ нѣдрахъ организованной матеріи, пріобрѣтаетъ все большую и большую силу. При этомъ особенно заменательно то, что всѣ эти первоосновы жизни получаютъ еще небывалую реалистичность, почти материализируются въ своеобразные „атомы“ жизни, и это мы слышимъ изъ устья именно современного, вообще идеалистически настроеннаго естествознанія, казалось-бы, павсегда покончившаго съ еще столь предавнимъ, грубымъ материализмомъ³²⁾.

Введеніе въ науку современными неовиталистами столь осознательно-материалистическихъ образовъ, не смотря на всѣ ухищрепія придать имъ метафизическую окраску, не говорить-ли о томъ, что здѣсь залегаетъ нечто дѣйствительно, реально существующее, а потому материалистическое уже самимъ фактомъ своего бытія? И если непосредственное наблюденіе и опытъ, даже во всеоружіи современной науки, и не даютъ возможность идти, здѣсь, дальше лишь болѣе или менѣе обоснованныхъ гипотезъ, то во всякомъ случаѣ слишкомъ развитая, теперь, научная критика, давая мѣсто этимъ гипотезамъ, уже тѣмъ самимъ молчаливо признаетъ дѣйствительную возможность существованія, здѣсь, факта громадной теоретической и практической важности.

Вполнѣ понятно, что въ предѣлахъ статьи, предпназначаемой, вѣдомокъ, не для естественно-научнаго, а для богословскаго журнала, невозможно обсуждать вопросъ о научной цѣнности неовиталистическихъ идей. Но зато сопоставленіе ихъ съ еще неясными образами, блуждавшими въ умахъ далекой, апологетической эпохи, можетъ быть задачей благодарной и, думается, не лишенной интереса для современной естественно-научной апологетики.

³²⁾ См. *H. Driesch, Philosophie des Organischen*, 1909; *K. C. Schneider, Versuch einer Begründung der Deszendenztheorie*, 1908, кар. II; *Reinke, Die Welt als Tat*, 1905.

Поэтому, не вдаваясь въ недоступныя намъ, пока, подробности, просто признаемъ тотъ фактъ, что современная биологія считаетъ возможнымъ существование „первочастицъ“ жизни, а затѣмъ позволимъ себѣ высказать предположеніе, что именно эти-то первочастичы и суть то, на материальную форму чего самый процессъ жизни, какъ проявленіе активности бессмертной души, накладываетъ ту печать (сфрагиду), которая предносилась умственному взору св. Григорія Нисского.

Но высказать такое предположеніе, хотя-бы и напрани-вающеся само собою, не попытавшись, затѣмъ, освѣтить его со стороны его реальнаго, дѣйствительного осуществле-нія, было-бы равносильно простому фантазированію, тѣмъ болѣе, что современная наука, въ своихъ воззрѣніяхъ на сущность матеріи даетъ довольно определенный ключъ если не къ разгадкѣ того, что въ области вѣры постигается не-посредственной интуиціей мистического созерцанія, то, по крайней мѣрѣ, къ согласованію очень многихъ актовъ религіозной жизни, и даже догматическаго ученія, именно христіанской религії, съ запросами жаждущаго знанія раз-ума. Обо всѣмъ этомъ я могу сказать теперь лишь вскользь, ограничившись только словомъ наиболѣе осязательныхъ основоположеній высказанной выше гипотезы.

IV.

Все то, къ изложенію чего я, теперь приступаю, конечно можетъ претендовать не больше, какъ на скромную роль одной изъ попытокъ пролить лучъ хотя-бы лишь приблизительной понятности туда, гдѣ *многое* ясно для искренно вѣрующаго, и *все* tempo и загадочно для колеблющагося и сомнѣвающагося. И если миѣ удастся обратить сюда мысль именно такихъ, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе многочисленныхъ умовъ, заставить ихъ задуматься надъ однимъ изъ наиболѣе трудно усвояемыхъ догматовъ вѣры и приложить къ нему столь привычный для нихъ масштабъ научнаго изслѣдова-нія,—то я буду считать свою задачу исполненной. Быть можетъ столь знакомый наукѣ путь обоснованія вновь воз-никающей „рабочей гипотезы“ подведетъ ихъ ближе къ тому, что воспринимается вѣрой, чрезъ Божественное Откры-вение.

Что же такое, прежде всего, представляеть собою современная „первочастица жизни“? Въ наиболѣе полномъ смыслѣ опредѣляеть свою „энтелехію“ Дрингъ, считая ее за элементарный агентъ природы, познаваемый лишь въ соединеніи съ материальными, пользующейся факторами вибнняго міра, чтобы производить и поддерживать то, что требуется актами присущей ему воли и первичаго знанія, не основаныхъ на опыте. Ко всему этому, впрочемъ, добавляется еще и любопытное предположение о томъ, что „энтелехія“ можетъ ограничиваться факторами вибнняго міра и даже „можетъ болѣть и умирать“, что сразу же сообщаетъ ей необычайную материалистичность, плохо вѣжущуюся съ дальнѣйшимъ утверждениемъ, что не смотря на все это, „энтелехія“ представить себѣ какимъ-либо образомъ нельзя, и вопросъ о мѣстѣ ея нахожденія—праздный.³³⁾

Если оставить въ сторонѣ вполнѣ справедливое, впрочемъ, утверждение о томъ, что въ такого рода вопросахъ вообще многое представить себѣ ясно и наглядно нельзя, то всѣ остальные свойства „энтелехіи“ ставить ее въ очень близкое родство съ одной стороны съ „клѣточной душой“ Геккеля, а съ другой—съ чѣмъ-то столь материальнымъ, что не исключается даже возможность болѣзни и смерти, т. е. съ вполнѣ организованнымъ живымъ существомъ. Но совершенно понятно, что столь грубо-материалистическое представление „первочастицы“ жизни было-бы черезчуръ рискованнымъ, хотя бы даже съ привлечениемъ на помощь и какойнибудь добавочной гипотезы, вродѣ предлагавшагося, въ свое время, проф. А. Данилевскимъ „бюгенного эири“³⁴⁾. А потому и самъ Дрингъ, а за нимъ и цѣлый рядъ другихъ неовиталистовъ (I. Райнке, Шнейдеръ, и др.), находять достаточно линь просто установить самый фактъ существованія нѣкоей жизненной первоосновы, считая всѣ свои „энтелехіи“, „доминанты“, „бюгены“ и пр. за простые символы, покрывающіе то, наличность чего считается логически необходимой на основаніи тицательныхъ наблюдений и философскихъ размышлений падь явленіями жизни. На

³³⁾ Vitalismus, S. 242 и дал.; Карповъ Витализмъ и задачи научн. биологии (Вопр. фил. и псих. 1909, кн. III, (98), стр. 361—362).

³⁴⁾ Живое вещество (В. Евр. 1896, маѣ, стр. 333).

зтомъ остановимся и мы, такъ какъ для нашей цѣли нѣтъ надобности, да и невозможно, входить въ детальное обсужденіе того, что такое „жизненная первоначастица“, этотъ исходный агентъ жизни. Достаточно, если мы признаемъ, что онъ есть, а признать это наскѣ заставляютъ многое выводы современности, не оспротивленной матеріализмомъ биологии.

Разсматривая живой организмъ, въ его цѣломъ, легко обнаружить, что пока въ немъ продолжается жизнь, черезъ него какъ-бы неистощимо идетъ потокъ энергій, носителями которыхъ служатъ входящія въ составъ тѣла, химической вещества. Большинство происходящихъ при этомъ, физико-химическихъ процессовъ подчиняется общему закону превращенія энергій, сопровождаясь пеизбѣжнымъ разсѣяніемъ, обезспѣчивающимъ значительной ся части, превращеніемъ ся въ недѣятельную форму, или, выражаясь механически, всѣ эти процессы стремятся отъ неустойчивости движепія къ устойчивости покоя. Въ наукѣ принято называть такие процессы *энтропическими*.

Сообразно этому, напр. организмъ человека, пропуская черезъ себя потокъ энергій, потребляясь для надобностей своего существованія не болѣе 20% всего ихъ количества тогда какъ 80% исчезаютъ энтропически. Это есть такъ называемая *проходящая* энергія, за счетъ которой организмъ совершає „работу“ своего существованія, поддерживаетъ себя *in statu quo*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторая часть ся (около 4%) остается въ организме и употребляется для физического и психического прогресса нашего существа. И именно эта, *остающаяся* энергія связана съ физической основой организма—его бѣлкомъ.³⁵⁾

Вотъ здѣсь-то, въ нѣдрахъ загадочнѣйшаго изъ химическихъ соединеній, для хотя-бы лишь приблизительного пониманія структуры и функций котораго химіи пришлось предположить число атомовъ его частицы доходящимъ до 5—6 тысячъ, и происходятъ таинственные процессы претворенія мертваго въ живое. Здѣсь кореннымъ образомъ меняются основныя особенности химическихъ реакцій, меняются настолько, что вмѣсто энтропического процесса возни-

³⁵⁾ Карповъ, Витализмъ и задачи науки. биологии (Вопр. ф. и псих. 1909, кн. IV (99), стр. 561).

каетъ уже, наоборотъ, превращеніе энергіи въ наиболѣе цѣнныя формы и свойства *развивающагося организма*, передающаго, затѣмъ, путемъ наследственности; свои нормально повышенныя, внутренняя и вибриняя цѣнности потомкамъ. Именно отсюда-то и вытекаетъ столь отчетливый законъ всеобщей органической эволюціи.

Жизненный процессъ, тѣлая энергию болѣе цѣнной вплоть до высочайшихъ проявленій воздействиующаго даже на самый міръ, человѣческаго генія, какъ-бы нейтрализуетъ мрачный законъ энтропіи, влекущій все неизвѣстное къ покону небытія. А если это такъ, то самая жизнь получаетъ значеніе залога бессмертія и притомъ, быть можетъ, и не въ одномъ только отвлеченномъ смыслѣ безграничной колективной эволюціи.

Въ свое время еще Гельмгольцъ, а затѣмъ Герцъ, высказали предположеніе, что область живого, одухотворенного вѣроятно не подчиняется величайшему изъ законовъ неорганизованного міра — закону эквивалентнаго превращенія энергіи. Въ послѣднее время эту мысль развиваетъ Ауэрбахъ³⁶⁾, приходя къ твердо выраженному убѣждѣнію, что жизнь — это организація, которую создать міръ (мы-же скажемъ — Богъ) для борьбы противъ обезцѣненія энергіи (стр. 48). Признавая-же, на основаніи современныхъ взглядовъ на строенія вещества, и самую матерію однимъ изъ видовъ энергіи (стр. 15), уже легко заключить, что именно жизнь и предназначена для увеличенія цѣнности, улучшенія, просвѣтленія, преображенія космического субстрата всего сущаго³⁷⁾.

Развивая свою идею, Ауэрбахъ приходитъ къ выводу, что такъ какъ органическая жизнь проявляется на совершеніи своеобразной почвѣ самыхъ сложныхъ и тонкихъ физико-

³⁶⁾ Ф. Ауэрбахъ, Экторизмъ или физическая теорія жизни, 1911, перев. Бикермана.

³⁷⁾ Невольно вспоминаются своеобразныя идеи Шеллинга о „просвѣтленії“ темнаго, инертнаго мірового начала (См. Кумо-Фишеръ, Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе, стр. 1905, перев. Лосскаго, стр. 686—689). Уже не присутствуемъ ли мы, теперь, при первыхъ, едва-лишь дошедшихъ до поля нашего изоцрѣннаго, научнаго зрѣлія преблескахъ такого „просвѣтленія“, утонченія матеріи въ современныхъ, таинственныхъ радиацияхъ?

химических конструкций вещества, то нельзя не признать какъ-бы иѣкоторой *печати* (стр. 76 и 38), налагаемой на самую матерію тѣмъ невѣдомымъ намъ, по ясно проявляющемся въ органическихъ процессахъ факторомъ, что ведеть ее по пути прогресса. Но въ чёмъ-же состоитъ этотъ прогрессъ матеріи? По возрѣбліямъ иѣкоторыхъ изъ современныхъ ученыхъ, эволюція матеріи есть переходъ ея въ болѣе тонкую форму, пріобрѣтеніе ею новыхъ свойствъ, новидимому именно и основанныхъ на боягѣ тонкомъ, болѣе простомъ ся строеній, будь-то „разсыпаніе матеріи“ Лебона, или „четвертое“ ея состояніе, предполагаемое Іеруксомъ.

Было-бы, конечно странно и, вдобавокъ, совершенно голо- словицо, если-бы мы стали утверждать что именно *такая* „эволюція“ матеріи связана съ повышающимъ цѣнность энергіи (электрическими) эффектомъ органической жизни. Но тѣмъ не менѣе невольно возникаетъ мысль, что быть можетъ и самый потокъ непрестанно идущей черезъ организмы энергіи (проходящая энергія) не остается вполнѣ тѣмъ же что и до входа въ организмъ, а что быть можетъ и здѣсь жизнь наследовываетъ на энергетической субстратѣ иѣкую печать просвѣщенія и тѣмъ болѣе интенсивную, чѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе наложившая ее жизнь.. (Не на это-ли намекаетъ радиоактивность выдыхаемаго воздуха, открытая Іофуромъ?) Это, конечно, не болѣе какъ полуфантастическая гогадка, по мало-ли и еще болѣе фантастическихъ предположеній высказывалось въ науку, и тѣмъ не менѣе иѣкоторая изъ нихъ съ течениемъ времени получила совершенно неожиданное подтвержденіе, не говоря уже о самыхъ чудесныхъ неожиданностяхъ, на которыхъ, кажется, привыкаетъ все чаще и чаще пытаться современная наука.

Пронусская черезъ себя, и отчасти въ себѣ вбирая, цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ видовъ энергіи, организмъ принужденъ, понутно съ этимъ, неустанно бороться съ многочисленными разрушителеми его созидательной работы. Въ ряду такихъ разрушителей, какъ это не страшно, должно быть поставленъ на первое мѣсто всесожигающей, но и всесожигающей кислородъ, а затѣмъ идуть разлагающіе факторы въ видѣ всевозможныхъ ферментовъ и токсиновъ Гдѣ-же источникъ сопротивляющейся имъ дѣйствію, сохраняющей организмъ энергіи? Вѣдь нельзя-же признать что вся громадная

энергія самосохраненія проистекаетъ все пять того-же, по существу слабаго запаса энергіи пазванной ламп, выще, „остающейся“. Не даромъ-же, кромъ того и современные неовитализты для объясненія, между прочимъ, именно способности органической жизни къ самосохраненію предлагаютъ свои жизненные „первоначтицы“. Такъ не здѣсь-ли, коли такъ, и кроется запасъ тѣхъ добавочныхъ энергій, эффектомъ которыхъ и являются столь характерно присущія жизни „направляющія“ и „сохраняющія“ силы?

Современная наука признаетъ источникомъ изучаемыхъ ею энергіи или ихъ первичныя, изначально присущія миру формы, или распадъ частицъ матеріи, или-же, наконецъ, по самыи новѣйшіи теоріямъ, сводить все къ трьи электрическіи зарядовъ („электрическихъ атомовъ“ Дж. Томсона, Лармора и Лоренца), что, вирочемъ, не давая решенія задачи по существу, просто лишь ставить въ основу всего хотя бы и единую, но совершенно невѣдомую по своей природѣ, электрическую энергию. Другими словами, опять все дѣло сводится къ давно признанному положенію о томъ, что, выражаясь словами Ауэрбаха, „мировой механизмъ бытъ-зведеніе о пажды“, и лишь неизрѣдомое отвращеніе науки къ реалистичному характеру выражений заставляє вѣ, признавъ фактъ „ заводки механизма“, оставить открытымъ, по обычаю, вопросъ о Заведеніемъ. А если таинъ, если первоисточникъ невѣдомъ и для науки, въ чёмъ она уже, кажется, теперь чистосердечно признается, стремясь лишь это свое невѣдѣніе возвести въ принципъ (эмпириокритицизмъ), то не даетъ ли это права и начь, воспользовавшись ея-же оружиемъ „рабочихъ гипотезъ“, приложить его къ вопросу о томъ какъ, какимъ путемъ промыслъ Божій совершаеть таинственный актъ преображенія плоти? Пусть это будетъ слабая попытка проникнуть въ мысль Творца пытливой мыслью того разума, который Оньше вложилъ въ насъ какъ искру Своего всевѣтнія!

V

Предположимъ,— а здѣсь только и возможны робкія предположенія,— что нематеріальныя „первоначтицы жизни“ (*ποιότητες* св. Григорія Ниссіаго) каждого человѣка зада-

гаются въ него въ моментъ первого проблеска бытія актомъ зачатія, и притомъ сразу-же въ томъ количествѣ, или, вѣрнѣе, въ той потенції, которая обусловливается наследственностью и скрыто (*κατὰ λεληθός*) заключаетъ въ себѣ весь комплексъ формъ (*εἴδη*) или возможностей (*δυνάμεις*) способныхъ развиться, впослѣдствіи въ данный, ограниченный въ пространствѣ, времени и своихъ индивидуальныхъ свойствахъ организмъ.

Возоединеніе (*σύστασις*) „первочастицъ“ между собой и съ мыслящимъ началомъ души (*τὸ λογικὸν τῆς ψυχῆς*) даетъ имъ материальное бытіе, *воплощаетъ* ихъ, открываетъ имъ возможность къ развитію ихъ потенцій и, въ то-же время зашепатлѣваетъ ихъ навсегда единственіемъ и неразрушимъ *типовомъ* (о *τύπος τοῦ εἰδοῦς* св. Григорія), заложеннымъ въ душе творческимъ актомъ Бога. Такимъ образомъ каждая изъ уже воплощенныхъ (одухотворенныхъ) „первочастицъ“, или, другими словами „энтелехій“, „біогенъ“, „домонантъ“ и т. п. современного неовитализма получаетъ разъ навсегда присущую ей *индивидуальную недѣлимость* и *неповторяемость*, абсолютно единственную и вѣчную.

Такое предположеніе не только доцустимо, но даже легко представимо при помощи тѣхъ образовъ, которые столь знакомы современной мысли изъ теорій строенія вещества. Въ самомъ дѣлѣ, если даже химическая частицы бѣлка и вообще углеродистыхъ соединеній предполагаются состоящими изъ сотенъ и тысячъ атомовъ, да еще, вдобавокъ, образующихъ пространственныя, геометрическія группы, какъ учитъ стереохимія, то не трудно сообразить, что число возможныхъ сочетаній и группировокъ даже химическихъ атомовъ не поддается никакому учету ³⁸⁾. Это и подтверждается тѣмъ, что современная лабораторная практика углеродистыхъ веществъ вносить чуть не ежедневно въ науку все новые соединенія, свойства которыхъ единственно и исключительно обусловливаются той или иной индивидуальной комбинаціей

³⁸⁾ Напомню, что напр., уже въ учебникахъ элементарной алгебры, въ прежнее время, любили приводить примѣръ, что изъ 10 буквъ слова „математика“ можно составить ни болѣе, ни менѣе какъ 151200 перестановок! Сколько же перестановокъ допускаеть, положимъ частица бѣлка, состоящая, по мнѣнію современной химіи, изъ 5—6 тысячъ „атомовъ“?

все однихъ и тѣхъ-же углеродныхъ частицъ³⁹⁾. Сюда нужно добавить еще и слѣдующее: еще немного лѣтъ назадъ представленіе мельчайшей матеріальной частицы — атома — въ видѣ планеты, а совокупности атомовъ — молекулы — въ видѣ планетной системы, встрѣчалось лишь въ причудливыхъ писаніяхъ спиритовъ, а у всякаго „серезнаго“ ученаго вызывало лишь улыбку. Но колесо времени повернулось, и теперь уже такие образы не только получили мѣсто въ науцѣ, но даже сдѣлялись одной изъ научно-популярныхъ схемъ⁴⁰⁾. Такъ что если къ громадности численныхъ и пространственныхъ сочетаний первочастицъ матеріи прибавить еще и прямо безграничную возможность иныхъ, если можно такъ выразится „астрономическихъ“ комбинацій, то становится вполнѣ яснымъ, что на всю вселенную съ избыткомъ хватить индивидуально-обособленныхъ частицъ, сходныхъ между собою лишь въ грушиахъ родового порядка, подобно тому, какъ сходны между собою люди.

Все это, конечно, образы, лишь приблизительно и схематически рисующіе возможную сущность того, о чёмъ здѣсь идеть рѣчь, тѣмъ болѣе, что и самыя „первочастицы“ лежать, конечно, далеко за полемъ непосредственнаго наблюденія и опыта, не охватывающаго, впрочемъ, даже не только „первочастицы“ (положимъ электроновъ) неодушевленной матеріи, но даже сравнительно „гигантскихъ“ молекулъ матеріи, органической (напр. бѣлка).

Тѣсная связь, взаимное проникновеніе (*ανάχρασις* св. Григорія Нисскаго) между душой и матеріализированными „первочастицами жизни“ (*ποιότητες*), какъ мы видѣли и есть, по мнѣнію св. Григорія, условіе того процесса „сфрагидациі“, благодаря которому, основной, индивидуальный типъ (*εἴδος*) отпечатывается на тѣлѣ и на душѣ, получающихъ павѣки ту взаимную связь, которую св. Григорій такъ удачно сравниваетъ съ печатью и ея оттискомъ.

Поэтому-то, быть можетъ и будеть позволительно назвать

³⁹⁾ Такъ уже въ извѣстномъ словарѣ Рихтера ихъ насчитывается до 200 тысячъ, и число это непрестанно растетъ.

⁴⁰⁾ Напр. стоять лишь сопоставить „спиритическую“ книжку *Gliber: Analyse des choses*, изданную въ 1891 году, съ уже указаннымъ мною выше сочиненіемъ Фурье Дальба 1911 года, чтобы оцѣнить гигантскій, сдѣянный съ того времени шагъ въ представлениі о частицахъ матеріи.

„первоначини“ жизни, уже вполне материализировавшіяся, благодаря ихъ совокупностямъ (*αὶ πρὸς ἀλλὰς συγθροναῖς*) и запечатлѣнныя въчимъ и неизгладимымъ, индивидуальнымъ типомъ, *сфрагидами*, согласно счастливому сравненію св. Григорія ⁴¹⁾). А отсюда уже вполне логично вытекаетъ, что именно этимъ, запечатлѣннымъ перво-элементамъ своей природы, каждый человѣкъ обязанъ своимъ *единымъ въ мірѣ и вѣчности*, индивидуальнымъ, физическимъ и духовнымъ обликомъ, ясно, просвѣщающимъ какъ чрезъ иѣзанную оболочку ребенка, такъ и透过 огрубѣющую, отживающую старость.

Одѣваясь плотю, этими „кошачими ризами“ Св. Нисанія, при прогрессивно развивающейся жизни, въ потокѣ „проходящихъ“ энергій, сфрагиды, пользуясь небольшимъ количествомъ энергіи „остающейся“, развиваются свой типъ въ прогрессирующей физической и психической жизни человѣка до предѣловъ, исчерпывающихъ все количество заложенныхъ въ нихъ потенцій, чѣмъ и обусловливается болѣе или менѣе физическое и духовное совершенство каждого данного индивидуума. Отсюда-же, изъ этой совокупности сфрагидъ неходить и та сила, которая направляетъ жизненные процессы и сохраняетъ жизненную индивидуальность отъ разрушенія энтропическими факторами вѣнчайшей природы, давая возможность каждому индивидууму совершиТЬ отмѣренный ему путь отъ полусознанія ребенка до полного расцвѣта физическихъ и духовныхъ силъ.

Согласно общему закону міра, вѣроятно и здѣсь затраты энергіи не дается даромъ, и можно предположить, что на жизненномъ пути человѣка сфрагиды, развивая творящую и сохраниющую энергию, теряютъ, въ большей или меньшей

⁴¹⁾ Замѣчу, кстати, что идеи, напоминающія излагаемыя мною здѣсь, можно разсмотретьъ, чрезъ прямо чудовищную сумбурность мысли и слога, у одного изъ любопытнѣшихъ мыслителей недавняго прошлаго—Н. Ф. Федорова. См. книгу его „Философія общаго дѣла“, 1907, изд. В. А. Кожевникова, стр. 329—330, гдѣ встрѣчается даже употребляемое мною здѣсь, слово „сфрагида“ въ смыслѣ очень близкомъ къ гипотезѣ св. Григорія Нисского и къ тому, что говорится въ моей статьѣ. Вообще очень жаль, что чтеніе указанной книги Федорова представляеть огромный трудъ, тогда какъ въ ней разсвѣтъ очень много интереснѣйшихъ мыслей.

мѣрѣ, свои потенции, а быть можетъ до извѣстной степени и разрушаются, разсѣиваются, или, вѣрнѣе, уточчаются, становясь все менѣе способными проявлять свое дѣйствіе въ условіяхъ теперешней, грубо материальной среды. Но если и самая матерія неорганизованного міра эволюціонируетъ такъ или иначе по пути къ своему уточченію и совершенству, то можно предположить, что то-же происходитъ и въ своеобразно-матеріальномъ субстратѣ жизни. И тогда понятными становятся и развитіе человѣческаго организма, и старость его, и смерть, и воскресеніе...

Наконецъ, предъ лицомъ той тайны бытія, въ которую мы пытаемся проникнуть, не можемъ-ли мы благоговѣйно признать, что если въ „первочастицахъ“ (*ποιότητες*) организованного міра усматривается какъ-бы привходящая сила Божественнаго Слова, то въ материализированныхъ сфрагидахъ человѣка не видимъ-ли мы прообраза великой тайны Его воплощенія?

На этомъ я закончу все то, что миѣ хотѣлось высказать относительно основной идеи, наꙗянной антропологическими взглядами св. Григорія Нисскаго, и позволю себѣ лишь, въ заключеніе, намѣтить рядъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ высказанныхъ предположеній.

Такъ, прежде всего является вопросъ о связи „сфрагидъ“ съ идеей всеобщаго воскресенія илоти—этимъ кореннымъ фактомъ, имѣющимъ центральное значеніе въ рассматриваемой нами области; и лишь предѣлы статьи приуждаютъ меня ограничиться только подготовкой и общими чертами его возможнаго освѣщенія.

Признавая „первочастицы“, а за ними и сфрагиды, носительницами индивидуального и вѣчного *типа* (*εἶδος*) каждого изъ насъ, и, вмѣсть съ тѣмъ, считая „первичныи частицы жизни“ (*ποιότητες*), какъ сущности нематеріальная, а лишь материализующіяся, вѣчными и неразрушимыми въ та-
кай-же мѣрѣ, какъ считасть вѣчными свои „первочастицы“ наука, вполнѣ логично будетъ заключить, что разъединяясь съ душой при смерти, они пробудутъ до тѣхъ поръ, пока новыи, просвѣтленныи условія міра не дадуть возможности для вторичнаго ихъ сиянія, для вторичнаго, преображенаго воплощенія, воскресенія на „новой землѣ“ и подъ „новыми

небесами". Но получивъ на вѣки отпечатокъ нѣкогда ожи-
влявшей ихъ души, они возсоздадутъ свой *типъ* и при
вторичномъ воплощеніи, при вторичномъ одушевленіи въ
воскресеніи плоти. Этимъ исключается возможность какихъ-
либо разсужденій, столь излюбленныхъ древностью, о свой-
ствахъ, видѣ и даже возрастѣ воскресшихъ тѣлъ. Типъ, какъ
иѣчто присущее каждому при всѣхъ жизненныхъ метамор-
фозахъ, облеченный плотью, тлѣнной теперъ, и нетлѣнной
тогда, возстанетъ *такимъ-же* въ блаженствѣ и страданіи.

Уменьшепіе и частичное исчезновеніе потенцій сферагидъ
вызываемое необходимостью бороться съ натискомъ физиче-
скихъ факторовъ, бросаетъ новый свѣтъ и еще на многое
неясное въ человѣческой природѣ. Такъ, напр. едва-ли надо
говорить о разрушительномъ дѣйствіи, даже на тѣлесную
организацію, душевныхъ аффектовъ гнѣва, скорби, страха
и нѣкоторыхъ другихъ нервно-психическихъ агентовъ. Но
вмѣстѣ съ тѣмъ легко подмѣтить, что и христіанство, въ
своемъ отношеніи къ нашей теперешней плоти какъ разъ и
борется именно со всѣмъ этимъ, какъ съ влекущими къ по-
гибели, и притомъ не только здѣсь, но и тамъ, гдѣ для
созданія новаго, нетлѣннаго тѣла понадобится всеоружіе
хотя-бы и ослабленныхъ жизнью, но достаточныхъ для новой,
нетлѣнной матеріи, сферагидальныхъ потенцій.

Не даромъ-же христіанство съ своими завѣтами любви
убѣждаетъ насъ и въ себѣ противиться разрушительному
дѣйствію грѣховныхъ аффектовъ, и ближнимъ своимъ не
вредить, вызывая въ ихъ душахъ *физически* разрушительныя
чувства. И не говорить-ли оно намъ тѣмъ самыемъ, что каж-
дая уступка здѣшней, тлѣнной плоти съѣдастъ часть нашего
грядущаго нетлѣнія? Любовь, и именно любовь христіанская,
любовь какъ не случайное проявленіе легко проходящаго
чувств, а какъ постоянное, длищееся *настроеніе*—вотъ за-
логъ сохраненія сферагидъ въ достаточной силѣ, безъ разсѣ-
янія ихъ драгоценной энергіи на вознагражденіе не однихъ
только потерь самосохраненія, но и на борьбу съ разруши-
тельной силой противоположныхъ любви аффектовъ. Наконецъ
аскетическія тенденціи христіанства, столь порицае-
мые въ настоящее время, тоже не призываютъ-ли насъ къ
недосягаемому идеалу подвижническаго *безстрастія*, довод-
ящаго аффективы потери сферагидъ до минимума?

Много и иныхъ вопросовъ можно разсмотрѣть съ той-же точки зрењія, начиная хотя-бы со столь подчеркнутой Христомъ, святости полнаго еще „непочатыми“ ефрагидами“, ютскаго возраста, и вплоть до великой тайны воспріятія пресуществленной плоти Христа въ таинствѣ св. Причащенія.

Реалистическіе взгляды древняго христіанскаго Востока на дѣло нашего спасенія не только въ духѣ, какъ этому учить схоластическій Западъ, но и во плоти, живой и освѣтльной, быть можетъ могли-бы получить, здѣсь тоже новое, неожиданное и плодотворное возрожденіе.

Затронутая мною по необходимости лишь отрывочно и несовершенно тема весьма обширна и требуетъ, конечно, много груда для своей разработки, но наградою для того, кто захочетъ-бы надѣю задуматься, будетъ возможность хотя-бы лишь слабаго, но захватывающаго прозрѣнія туда, гдѣ „*ετ
ατόμων*“ Господь, по великому Своему произволенію, готовить намъ новую, нетрѣбную жизнь.

П. Страховъ.

14 декабря 1911 г.

